

The background image shows a dark, rainy street at night. On the right side, there is a multi-story brick building with several lit windows. The street is wet, reflecting the lights from the building and distant cars. A semi-transparent grey rectangular box is overlaid on the left side of the image, containing the text.

Извас Фрай

Кто убил их всех?

Извас Фрай

Кто убил их всех

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29823897

SelfPub; 2018

Аннотация

Мы – остались последними, кто выжил. Но кто убил нас? И что произошло с нами? Что такое человек? Мы столкнулись с адом – кто смог бы выдержать то, что пришлось пережить нам? Теперь, когда у нас осталась лишь одна ночь перед последней битвой – я должен найти ответы на вопросы: кто убийца? И что с нами произошло? Содержит нецензурную брань.

Кто убил их всех?

Воды и еды нам хватит продержаться до утра – затем, те из нас, что остались после отступления с боем – будут с боем завоёвывать себе лишние секунды своих никчёмных жизней в неравной борьбе; нас прижали к самой стене. Ни у кого из нас нет ни малейшей возможности остаться в живых – у нас есть только этот миг, чтобы проститься со всеми, кого мы когда-либо знали, любили и потеряли. У нас есть – только наши воспоминания, немного еды, чтобы протянуть эту ночь и пара винтовок. И страшнее всего для нас теперь – не смерть – мы к ней уже давно привыкли. Мы боимся того, что мы – начинаем забывать, что происходило с нашими семьями и друзьями. Мы рассказываем друг другу истории своих жизней – чтобы не дать последней искре в темноте погаснуть. Эта проклятая земля, которую мы называли раем – уже многих из нас свела в могилы.

Я сохранил свою жизнь случайно – я не заслуживаю того, что сейчас могу говорить, могу писать – я знал людей, куда более лучших, чем я; и которые смогли бы рассказать эту историю лучше. Но так как все они – мертвы; а я – жив, я должен сражаться со смертью последним, оставшимся у меня оружием – чернилами. Я буду говорить от лица всех, потому что я – последний, кто может ещё разумно мыслить. Мне выпал этот жребий – и я обещаю исполнить свой долг.

Пещера, которая станет нашей братской могилой: стены выбиты временем и холодны как лёд. Здесь: сыро, много

страшных насекомых, названия которых унесли с собой в могилу наши отцы энтомологи. Сидеть можно только на земле или на пустых ящиках из-под еды, воды и оружия. Но все – предпочитают стоять.

Вокруг нас: бродят духи; мы видим их тени на стенах – их силуэты появляются перед нашими глазами. Их голоса холоднее льда – в них вся безмятежность и грусть мира мёртвых. Они – жили здесь задолго до нас; им – есть, что рассказать нам. А мы – рады любому, кто согласится слушать наш невнятный трепет. И мы, и они – мы хотим только не быть одинокими в своих несчастьях: и после смерти, и в последних часах жизни. Любые слова – лишь бы не молчать. Духи щедры на истории; впрочем, как и мы. Дыхание смерти – лучше всего развязывает язык и гонит людей на красноречия. Но я – изо всех сил стараюсь быть как можно кратким – чтобы успеть рассказать всё.

Это – наше последнее наслаждение – смерть.

Наше поколение исчезнет; оно оставит после себя много следов, но наши потомки – их не заметят – и буду вновь и вновь, из века в век, повторять наши ошибки. Своим опытом мы можем поделиться – только с мертвыми и с теми, кто вскоре умрёт. Это – самая длинная ночь в наших жизнях. Это – ночь историй и легенд.

Главным рассказчиком среди мёртвых – был король призраков. Он не сказал ни слова – но бесконечность тех сюжетов и смыслов, которые он извлекал из себя – поражали и

потрясали дух. Он впитал в себя все истории, которые когда-либо слышал. И я знаю, что ему нужно было от меня – последняя ценность, что у меня осталась – моя история. И я – готов рассказать её.

Я родился далеко отсюда. О тех временах – я помню, что повсюду были люди и ни одного дерева. Впервые, я увидел дерево в шесть лет, когда был во Дворце Жизни – огромном здании под куполом. Мама сказала мне: «Туда, куда мы вскоре направимся – деревьев будет больше, чем людей».

Когда я пришел сюда – я деревья я мог увидеть только в лесу – за двадцать километров от деревни. Место, в котором я провёл почти всю свою жизнь – стояло посреди пустыни – на вершине холма. Я – с самого детства был богаче своих сверстников – я помнил мир, откуда мы родом. Все мы – люди – вышли из мест, которые называли «города».

Я помню, как был счастлив. Всё моё детство – пролетело так: я чего-то ждал, жил спокойной, готовый в любой момент отправиться в путь – я смотрел на одинокую гору вдалеке, всё время находившуюся у нас перед глазами; и я мечтал: когда-нибудь, я поднимусь на её вершину и взгляну на мир со стороны облаков.

Я помню, как старик Аркадий брал меня на рыбалку; но я совсем не помню его лица. Я помню, как в десять лет – я поймал свою первую рыбу и мы все вместе её разделили и съели – большая и вкусный был в тот вечер ужин.

Так проходили дни – так пролетали годы.

Кроме папы, мамы, меня и старика Аркадия – в деревне жило ещё около трёхсот человек. Одни рождались и приходили их городов – другие умирали и возвращались обратно; но почти всегда – нас было ровно три сотни и четыре. Мы жили в тёплых и уютных домах, которые построили люди, жившие здесь до нас. Кроме меня, здесь было ещё пятьдесят детей. Задачей взрослых – было следить за поведением и образом жизни вертов, живших в двух деревнях неподалёку от нас; и попутно – изучать их язык, который, по словам отца: «не похож ни на что, что может встретить человек в природе».

Людям было известно о двух расах вертов: двуруких и двуглазых; и о четвероруких и четвероглазых. Оба племени жили в своих деревнях и никогда не сносились между собой, хоть и поддерживали дружеские отношения. Они были очень похожи на людей. Они – могли любить друг друга и ненавидеть; быть жестокими и милосердными одновременно. Единственное, что не увидел мой отец за долгие годы своих изучений – это то, как верты умирают; или то, как верты – убивают.

Я никогда не забуду тот день, когда впервые увидел четверорукого верта – в тот солнечный день: я играл в одиночестве со своим баскетбольным мячом. Верт стоял неподвижно, широко раскрыв рот; я заглянул в его пасть – в ней было три ряда острых зубов – никто не знал, для чего они нужны были вертам. Кожа у них – тёмно-зелёная и грубая; по ночам

– они становятся невидимыми, пока не ударить по ним лучом фонаря. Языки у вертов, по словам отца, были правильной формы – так что, они вполне могли выучить язык людей. Но ни разу за долгие годы исследований – ни один верт не произнёс ни единого человеческого слова. Мой отец шутил: «Верты – знают наш язык, но не хотят говорить на нём, чтобы люди – не заставили их работать». Мой отец – всю жизнь изучал их. Каждый день, встав и позавтракав – он выходил из дома и шел к вертам. Возвращался он – только поздно вечером; сразу после ужина – он садился за свой компьютер и начинал писать: о том, что видел, слышал и понял. Он – был великим учёным. Мне так не хватает его мудрых слов.

Когда я был ребёнком и рос без отца, я бегал между домами и кричал во всю глотку. Я помню: тогда, кажется, у меня ещё был пёс. Мы всегда были вместе. Жаль, что того же я – не могу сказать про свою семью.

Моя мать – не была учёным. Ей не приходилось ухаживать за хозяйством – разве что, время от времени, она готовила завтраки и ужины. Всё за неё делали девушки – наши соседки; они приходили к нам в дом и играли со мной. Она уходило из дому почти на весь день – как отец. Всё это время она – проводила в поле. Она брала с собой несколько бутербродов с сыром, молоко и этюдник. Она – очень любила одиночество; больше него – только папу и природу. С первым – она почти не виделась; а с природой – проводила время постоянно. Пробегая глазами по её пейзажам – я учился искусству.

Даже пробовал рисовать – но не вышел из меня художник. Папа говорил, что такой талант – передаётся через поколения; и что мой сын или моя дочь – станут величайшими художниками своего времени; художниками, которые никогда не родятся.

Моя мама – никогда не разрешала мне ходить с ней в поле – ни разу. Она говорила мне, что ей – нужно спокойствие и уединение, чтобы рисовать настоящие шедевры. Это – у неё получалось; но я – никогда не понимал: как можно принести в жертву детство собственного сына – ради каких-то рисунков?! Я любил их – они были красивыми и необычными – не такими, как мир за окном; но я – ненавидел их – потому что они отняли у меня маму.

Но я – не часто думал об этом и жалел – только в далёком детстве. Всё своё отрочество – я был сам по себе.

Только иногда: папа водил меня ночью вместо сна смотреть на звёзды в его телескоп, а мама – целовала в щеку, когда я вёл себя хорошо. Не считая этого – я знал о родителях больше понаслышке и рос – как сам того хотел.

В нашем доме: была целая куча машин. Иногда – они ломались – тогда к нам приходил дядя Алекс и всё чинил. Он был весёлым – он научил меня многим новым и интересным словам, за которые мама, однажды, дала мне пощёчину и сказала мне, чтобы я больше никогда их не говорил и не писал. Писать их – я не стал; а говорил – постоянно. Моим родителям – слишком много внимания уделяли их родители, чтобы

они научились говорить то, что думают – часто размышлял я.

Однажды, когда папа брал меня смотреть на звёзды, я спросил его:

– Пап, а кто всё это создал? – я показал на звёзды.

Он даже не головы не повернул в мою сторону – всё на что-то смотрел и улыбался.

– Пап, – повторил я, – так – кто же всё это создал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.